

БОРИС САМОЙЛОВИЧ ЛИВШИЦ В ВОСПОМИНАНИЯХ ЕГО КОЛЛЕГ И РОДНЫХ

(К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ)



**И во мгле как будто ожил он,
И на миг смешались явь и сон.
М. Орцеви. Портрет**

Вспоминает Александр Наумович Берлин

Борис Самойлович Лившиц.

В судьбе сотен человек он сыграл судьбоносную роль. Открыл целое направление в Советской науке. Так что причины «забронзовать» очень даже есть. Но все, кто его знал, говорят о нем как о родном и близком человеке. Однако о человеке поговорим отдельно и потом.

Одно выражение «научная школа Лившица» говорит о многом.

Во – первых, это высочайшая теоретическая подготовка. Это такая редкость в различных профессиях. До Б.С. Лившица в Советской школе не было такого направления «Теория телетрафика». Это было не прикладное направление, это было направление математики. А.А.Марков, А.Н.Колмогоров, А.Я. Хинчин были представителями математики. Лившиц впервые показал, как применить эту математику к практическим вопросам. И объединил достижения математиков всего мира, включая пионерские работы Эрланга, Энгсета, Якобеуса для решения практических задач.

Можно сказать, что он открыл волшебную шкатулку, и окружающее его молодое поколение еще много лет получало очень интересные результаты (работы Я.В.Фидлина,

К.П.Мельникова, В.А.Болотина, М.М.Владимирского многих других). Число его аспирантов превысило цифру 100.

Нельзя не отметить, что наряду с талантом теоретика, он обладал потрясающим организаторским талантом. Наша страна обязана ему выходом из технической ямы в области проводной связи.

Дело в том, что страна, разоренная войной, не имела ни научного, ни материального потенциала. Как когда – то сказал мне начальник Научно - исследовательского института городской и сельской телефонной связи (НИИТС), в котором работал всю жизнь Борис Самойлович, Леонид Степанович Фарафонов: « О каком прогрессе Вы говорите, когда после войны не было простого гетинакса»? (Гетинакс - материал для размещения электрических приборов). В такой обстановке ставить вопрос о разработке новейшей системы АТС расценивалось как безумие и донкихотство.

В то время уже на основе трофейных немецких систем уже были разработаны системы АТС –47 и АТС –54. Это были даже в то послевоенное время несовременные системы, нужны были новые услуги. Но самое главное, - нужна была система для очень массового производства. Забегая вперед, можно сказать, что большая страна - СССР - была покрыта станциями, разработанными под руководством Бориса Самойловича. Это масштаб, которого не знал ни один ученый мира. Объем можно выразить в сотнях миллионов номеров. Можно сказать, что связь в России в 60-ые – 80-ые годы прошлого столетия определялась коммутационными системами, разработанными и внедренными под руководством Бориса Самойловича. Были задействованы мощности многих предприятий - в Ленинграде это НИИТС, ЛЭИС, завод «Красная Заря» и «Гипросвязь», это заводы в Пскове, в Кутаиси, заводы в Чехословакии, в Восточной Германии. Вклад Лившица в развитие городской и сельской телефонной связи страны невозможно преуменьшить.

Задача создания станций с косвенным управлением и отдельным управляющим устройством была фантастической. Это, по сути, был первый управляющий компьютер. Борис Самойлович со своими соратниками по НИИТС, ЛЭИС и «Красной Заре» (Г.Б.Ханиным, И.И. Семеновым, И.Е. Мовшовичем, Л.С. Васильевой, М.М. Подвидзом, П.Д. Куташовым, Р.И. Шатровой, А.Л. Пошерстником, М.З. Носоновским и другими) взялся за эту задачу. Потом к ней подключилось много людей и организаций, но Борис

Самойлович Лившиц был первым. Как и во многом другом. Он руководил внедрением, он разрабатывал учебники и преподавал в ЛЭИС, его последователи были в Москве, Новосибирске, Одессе, Куйбышеве, Риге, Баку, Ташкенте.

* * *

По окончании ЛЭИС я работал на «Красной Заре», и моя первая встреча с Борисом Самойловичем состоялась только тогда, когда уже началась наиболее известная разработка городской координатной АТС типа АТСК. Меня не включили в эту группу разработчиков, поскольку я вел другой важный участок, - первую советскую механо - электронную АТС. На «Красной Заре» была организована молодежная группа – Александр Пошерстник, Иосиф Носоновский и Михаил Гурвич. Руководили этой разработкой такие опытные люди, как Павел Дмитриевич Куташов и Рива Ильинична Шатрова. Они весьма тесно работали и даже лично дружили с Борисом Самойловичем. Да кто с ним не дружил? Его любили не только в НИИТС, но и в ЛЭИС. С довоенных времен его связывала тесная дружба с Михаилом Марковичем Подвидзом и Рафаэлем Антоновичем Аваковым, – «долголетними» сотрудниками кафедры Автоматической электросвязи (бывшей кафедры Телефонии, ныне кафедры Систем коммутации и распределения информации).

Когда я впервые обратился к Борису Самойловичу, у меня уже были научные наработки по теории автоматов. Но я его лично не знал и у меня не было к нему «ходов». Я официально записался у его секретаря на прием. Когда вошел в кабинет, он встал из-за стола и произнес с укоризною: «Ну, Алик! Ты что же, не мог позвонить?». Такая мысль даже не могла зародиться у меня в голове. Хотя потом я уже запросто звонил. Но, конечно, только по важным делам. На «трепотню» у него было слишком мало времени. Он выработал для меня правило, которое преследует меня всю жизнь. Придешь на 5 минут раньше, - будешь ждать. Придешь на 5 минут позже, - он будет уже занят другим вопросом.

На первой встрече я изложил ему свою предполагаемую тему диссертации, он вошел в неё сразу, но весьма засомневался.

- Советую приблизить исследования к задачам, которые решаются методами теории телефонных сообщений (тогда эта теория еще не называлась теорией телетрафика).

- Но почему Вы мне рекомендуете это отклонение от моего направления?

- Алик. Ты же будешь в окружении специалистов по теории вероятностей. Тебе будет трудно на семинарах слушать и докладывать.

Но я настоял на своем. Конечно, это создавало трудности для Бориса Самойловича, особенно при изучении моих статей, при подготовке к семинарам. Но он очень внимательно читал мои работы и делал очень полезные замечания.

Несколько слов о семинарах.

Семинары Бориса Самойловича были особенной частью жизни его аспирантов и, даже я бы сказал, НИИТС. Они были далеки от благообразной картины – ученики докладывают свои блестящие результаты. Это были бои, где отстаивалась истина, вскрывались слабые места. Надо сказать, что они стоили большого количества нервов для докладчиков. Однако самый строгий судья был Борис Самойлович. Он же был самый внимательный и благожелательный слушатель. После семинара он обязательно устраивал разбор «полетов».

Перед моим первым семинаром он предупреждал: «Не увлекайся выкладками из теории автоматов. Знай, аудитория настроена на телетрафик». Я же увлекся и исписал всю доску выкладками, но аудитория необычно молчала. Когда же мы остались наедине, Борис Самойлович вызвал своего секретаря и сказал ей:

- Я же тебя просил убрать мел и тряпку.
- Ой, Борис Самойлович, закрутилась.
- -Вот и провалила человеку семинар.

А потом обратился ко мне:

- Будь осторожен с этими предметами. Бери их только тогда, когда знаешь, что сказать.

* * *

Последняя наша встреча произошла у него дома. Я очень редко виделся с ним. Я уже работал очень интенсивно по настройке новой техники. Он был, как всегда, занят.

Мне прислали автореферат кандидатской диссертации, где руководителем был человек, близкий к Борису Самойловичу. Для меня было ясно, что надо писать отрицательный отзыв. Я позвонил ему домой. Он быстро сказал: «Приезжай». Я приехал к нему домой, и мы часа за два вместе наметили, как исправить основные ошибки. И расстались под причитания его жены Матильды Самойловны, что я даже не выпил чая.

Ничего не предвещало беды, а через месяц его не стало.

Январь 2012 года.

Вспоминает Эдуард Александрович Меламуд

Отсчет воспоминаний о Борисе Самойловиче начинается у меня с 1957 года.

В 1957 году, я, молодой специалист, окончивший ЛЭИС, получил направление на работу на комбинат Кузбассуголь. Работая в Кузбассе, несколько раз консультировался по вопросам промышленной связи у работников лаборатории НИИТС, которой заведовал Б. С. Лившиц.

В 1959 г. по семейным обстоятельствам вернулся в Ленинград, где находилась жена с дочерью. Эти годы отличались достаточно жестким отношением властей к людям с еврейской фамилией. На работу по специальности устроиться было невозможно. Подрабатывал, где мог, пока не решил обратиться к Б.С. Лившицу. Состоялась встреча и беседа. В качестве испытания мне предложили решить схемную задачу, как сейчас помню, по счетной цепочке. Через месяц я был зачислен в штат института. Много лет спустя, будучи уже научным сотрудником, я спросил Бориса Самойловича, зачем потребовалась эта проверка. Он ответил, что нужно было иметь подтверждение ценности принимаемого работника.... Сейчас особенно полно осознаешь, каким нужно было быть участливым, какое нужно было иметь мужество, чтобы решиться ему (еврею) в то время хлопотать о приеме меня в свою лабораторию.

Нашел в своем архиве фотографию тех далеких лет: Борис Самойлович, полный жизненных сил, в окружении родных и близких.



**1960-1962 г (?).
Ленинград, наб. р. Мойки.
Борис Самойлович с
женой (крайняя слева) и
дочерью.**

А лаборатория, в которой мне посчастливилось работать, оказалась самой передовой, самой дружной, самой изобретательной, самой плодотворной, самой известной ...

Летели годы. Борис Самойлович стал начальником научного отдела (НО-1). Как бы сказали сейчас, его «команда» жила едиными интересами, имела одни помыслы и стремления. И никто не думал о том, что в этом единстве была наша сила. Как не думали и о том, какие перемены нас ждут, как по-разному сложатся наши судьбы...



Осень 1989 г. (?). Петербург, Варшавская ул. Борис Самойлович среди сотрудников НО-1 во дворе здания ЛОНИИС (бывшего НИИТС и нынешнего ЛО ЦНИИС). В центре первого ряда – Э.А. Меламуд, Б.С. Лившиц, И.Е. Мовшович, один из ведущих разработчиков АТСКУ. Во втором ряду: М.М.Владимирский (второй слева), ведущий разработчик генератора искусственной телефонной нагрузки; Г.П. Козлова, Л.С. Лебедева, В.И. Колбасова (четвертая, пятая и шестая слева). В третьем ряду: А. Синяков, А. Кучерявый, Н.Ларичев (второй, пятый и восьмой слева), А. Пекный (первый справа), тогдашняя «молодая поросль»; М.М. Матвеев (пятый справа), автор электронного регистра координатной станции.

Мне посчастливилось быть сотрудником лаборатории и отдела Б.С. Лившица с 1959 года и до 1990 года – до конца его руководства отделом и ухода из жизни. И все эти годы я ощущал теплое и дружественное участие Бориса Самойловича.

Январь 2012 года.

Вспоминает Нина Петровна Мамонтова

Всего лишь несколько памятных страниц из прошлого.

* * *

Страница первая.

Солнечным днем в начале июня 1963 года я открыла тяжелую массивную дверь здания на улице Союза Связи, дом 5 (тогда – бывшей Почтамтской, а теперь – нынешней) и оказалась в фойе НИИТС,- научно-исследовательского института телефонной связи. Массивная деревянная лестница привела меня на второй этаж. Ведомая подсказкой, я легко нашла дверь со скромной табличкой «Лаборатория телетрафика» и попала в большую и светлую комнату. Комната была проходной. В ее ближнем левом углу, у одного из окон, находился массивный стол, который мог быть только столом начальника. Незримый проход в другую комнату пространственно отделял его от других столов. У стола толпились люди, оживленно что-то обсуждавшие. Обсуждение переросло в спор. Остановившись в нерешительности посередине комнаты, я стала чего-то ждать. Кто-то из числа сидящих справа поинтересовался, что меня привело к ним. Пролепетав, что я принесла на рецензирование Лившицу Борису Самойловичу свой дипломный проект, вдруг услышала отрывистую реплику в свой адрес:

- Хорошо, оставьте, - и почти без паузы -
- Генрих, ты неправ!
- Нет, Борис, это ты неправ!

Спор у стола продолжался, а я подумала, что пришла не очень-то вовремя. Мне даже показалось, что мой рецензент и не взглянул на меня. По дороге домой успокаивала себя, что Михаил Маркович Подвидз, научный руководитель моего проекта, все узнает и разъяснит, когда и как я смогу заполнить свой проект «обратно с рецензией». Так состоялось мое знакомство с Борисом Самойловичем Лившицем...

Впоследствии я не раз была свидетельницей «очередной рабочей перепалки» двух друзей, - Бориса Самойловича и Генриха Борисовича Ханина, которые по-мужски трогательно любили и уважали друг друга. Нередко к их рабочим спорам

присоединялся Павел Дмитриевич Куташов, друг юности и всей жизни, работавший в те годы на «Красной Заре». То были годы интенсивной работы по созданию отечественных координатных АТС...

Последующие страницы.

* * *

На исходе 1966 года, проучившись год в аспирантуре под научным руководством Михаила Марковича Подвидза, я – совершенно неожиданно для себя – была поставлена перед фактом смены научного руководителя. Ничто не предвещало подобных перемен. Запланированные кандидатские минимумы были сданы, тема диссертации - «Исследование двухкаскадных схем в режиме группового искания» - была утверждена, не было и каких-либо претензий со стороны научного руководителя. Однако «покой нам только снится». Буквально «громом среди ясного неба» прозвучали для меня слова Михаила Марковича в самый канун аттестации:

- Видите ли, я очень хочу, чтоб Вы меня правильно поняли. Желая дать Вам больше гарантий успешной защиты диссертации, я обратился к Борису Самойловичу с просьбой руководить Вами, и он дал согласие.

Борис Самойлович стал моим новым научным руководителем.

Никогда не искала, да и сейчас не буду искать какие-то глубинные мотивы того, что произошло в тот далекий день. Но с абсолютной уверенностью могу утверждать, что как профессионал Борис Самойлович пользовался искренним и глубоким уважением среди коллег и друзей. И Михаил Маркович был из их числа....

* * *

Наступивший 1967 год ввел меня в круг многочисленных аспирантов Бориса Самойловича и подарил счастливую возможность оказаться среди талантливых и щедрых на помощь сотрудников его лаборатории – и в первую очередь - Кима Петровича Мельникова, Владимира Аркадьевича Болотина, Якова Владимировича Фидлина, Азы Алексеевны Фроловой, Васи Соколова, Лины Морозовой, Игоря Баврина и Вити Прокоповича.

Такое «скопление» неординарных людей, каждый из которых был личностью, утверждало свои неписанные законы, по которым жила лаборатория. И центром этой жизни был Борис Самойлович, - он направлял и координировал деятельность самой лаборатории и держал в своих руках все «бразды правления». Можно ли назвать такой стиль работы авторитарным? Не думаю. Но знаю одно: работать в Лаборатории телетрафика в те времена почиталось за честь.

Первая рабочая встреча с Борисом Самойловичем проходила в присутствии Кима Петровича, поскольку моя работа рассматривалась как прямое развитие результатов его диссертации. Спокойный и доброжелательный Ким Петрович, направляемый волей Бориса Самойловича, взял на себя роль «шефа», повседневно курируя мою работу. Надо сказать, что все аспиранты проводили в лаборатории весь рабочий день. Так было принято. В сущности, мы были под постоянным «присмотром» Бориса Самойловича. Однако встречи с ним проходили не спонтанно, а в строго регламентированные дни, и всегда рядом со мной было «надежное плечо» Кима Петровича...

* * *

Год 1968-ой прошел для меня и многих аспирантов того времени под знаком «Ночь. Рига. ВЦ. БЭСМ-6».

Начиная с 1960-го года, сотрудники НИИТС и ВЦ Латвийского государственного университета им. Петра Стучки (К.П. Мельников, В.А. Болотин, М.А. Шнепс, Г.Л. Ионин, Я.Я. Седол и многие другие) достаточно интенсивно и с большим увлечением проводили совместные работы по техническим заданиям НИИТС. Под общим руководством Б.С. Лившица разрабатывались программы моделирования, позволявшие на ЭВМ проводить исследования коммутационных систем, работающих в различных режимах искания и имеющих различные структурные параметры. Экспериментальная часть диссертаций у большинства аспирантов была посвящена этим исследованиям.

Работали мы на лучшей отечественной ЭВМ, - на БЭСМ-6, в том время самой быстрой не только в СССР, но и в Европе. Для работы нам давали только ночное время. На ВЦ царил атмосфера доброго участия к «зеленой» молодежи. Множество бессонных ночей было прожито в Риге. И невозможно забыть то внимание, которое мы, аспиранты,

получали от сотрудников Бориса Самойловича, «ветеранов моделирования». Оно выражалось не только в совместном преодолении возникавших математических препятствий, но и в помощи на бытовом уровне, - от организации своевременной еды до заполнения перфокарт: построчно, слева направо, сверху вниз, с кодированием символов, с комбинацией пробивок в семи соседних позициях... Сколько бессонных ночей на ВЦ провели Володя Болотин и Витя Прокопович, решая свои рабочие задачи и безотказно помогая мне! И – удивительное дело - ни у кого из нас в глазах не было никакой усталости...

* * *

Весна 1970 года вспоминается не иначе, как время морального «падения и взлета». Защита диссертации была перенесена с начала февраля на 1 апреля в связи с заграникомандировкой первого оппонента, - Ольги Николаевны Ивановой. В те времена защита без первого оппонента не практиковалась, хотя второй оппонент - Игорь Евгеньевич Голубцов - был «рядом». Практиковалось другое: проведение обязательной репетиции перед жюри в лице Бориса Самойловича, независимо от предзащиты на кафедре. И вот эту-то репетицию я вижу и слышу так четко и ярко, как будто бы это было вчера.

Старательно подготовившись к докладу и, как мне казалось, вполне прилично выступив, я приготовилась к ответам на вопросы. Но прозвучало нечто невероятное. Тихо и размеренно Борис Самойлович произнес:

- Я недоволен Вашим докладом. Даже не считаю необходимым его обсуждать. Назначаю повторную репетицию через неделю. Если такое повторится, то...я буду на Вас кричать так, чтоб все слышали, и...выгоню Вас так, чтоб все видели. Идите и готовьтесь. Работайте. Предварительно позвоните. Все.

Через неделю, после переживаний и «слез в подушку», я позвонила. И услышала:

- Репетиция? Нет, повторная репетиция не нужна. С Вашим характером мне пришлось устроить Вам жестокое испытание. Это ради того, чтобы Вы заранее «переболели» и не нервничали на защите.

Помедлив, сказал успокоительно:

- Все будет хорошо...

* * *

В День 90-летия Бориса Самойловича, 22 марта 2002 года, Михаил Лесман, Борис Гольдштейн, Николай Соколов, Андрей Синяков и я побывали на его могиле. Борис Самойлович покойся в Петербурге, на кладбище Памяти жертв девятого января, рядом с женой и дочерью.

Природа просыпалась, - таял снег, кругом были большие проталины. День был по-весеннему теплым и ласковым. Щебетали птицы. В звенящей тишине мы возложили охапки живых цветов к его могиле и могилам самых близких и дорогих ему людей. Нахлынули воспоминания. Внезапно все оживились, заговорили о прошлом, стали рассказывать друг другу истории, связанные с его именем, – истории столь же многоликие, как и сама жизнь, истории, которые всегда жили, живут и будут жить в наших сердцах. Подошло еще несколько человек. Среди них – Грета Ивановна, старинная знакомая семьи, сердечно ухаживавшая за Борисом Самойловичем в последние дни его жизни...Никто никуда не торопился, никто не хотел уходить. Нас объединяла и крепко удерживала память о дорогом нам человеке, во многом определившем жизнь каждого из нас...

Май 2011 года.

Вспоминает Николай Александрович Соколов

Об одном полезном совете.

Расскажу об одном полезном совете, который получил в своей жизни.

Мне не довелось работать под руководством Бориса Самойловича Лившица, но, как и все аспиранты, я обращался к нему за советами в сложных ситуациях. Борис Самойлович никому не отказывал в помощи. И мы об этом знали.

История, о которой пойдет речь, была связана с проблемой получения в установленные сроки отзыва ведущей организации на кандидатскую диссертацию. Не оказали никакого влияния звонки моего научного руководителя и

даже заместителя директора ЛОНИИС. Тогда я решил обратиться к Борису Самойловичу.

Внимательно выслушав, Борис Самойлович подсказал "Соломоново" решение. Оно было сформулировано в виде рассказа об одном мужчине, который в середине 70-х годов хотел установить дома телефон, но получил отказы во всех инстанциях вследствие объективных технических причин. Остался последний шанс – попасть на прием к руководителю телефонной сети *Северной столицы* Вениамину Владимировичу Малинникову.

Вениамин Владимирович принимал граждан по личным вопросам один раз в неделю. Упомянутый мужчина записался на прием. Вениамин Владимирович сообщил ему, что в настоящее время невозможно поставить телефон по месту проживания по техническим причинам. Проситель ответил, что он все понял и откланялся, но записался на прием на следующую неделю. История повторилась. Мужчина не настаивал на своей просьбе, говорил, что все понял и уходил, снова записавшись на прием по личным вопросам на следующую неделю.

Еженедельные встречи вскоре начали сильно нервировать Вениамина Владимировича. Он вызвал руководителя телефонного узла и сказал следующее: "Делайте что хотите, но поставьте ему телефон; я не могу больше видеть этого человека каждую неделю". Так к телефонной сети подключился новый абонент.

Сначала мне показалось, что такой путь не приведет к поставленной цели, но ситуация была безвыходной. Надо было попробовать. И все получилось! Даже быстрее, чем я ожидал. По всей видимости, Борис Самойлович Лившиц своим советом хотел сказать нечто большее: "Старайтесь искать нетривиальных решений сложных задач".

Май 2011 года.

Вспоминает Раиса Ивановна Тарсис



Нет, они не ушли навсегда.

Среди людей, которых, наряду с самыми близкими (отцом, мамой, старшей сестрой), помню почти сразу - моя двоюродная, старшая, «ленинградская» сестра Софочка. Мы были погодками и, практически, проводили вместе каждое лето.

Ее родители провозили Софу к бабушке в теплый Киев из вечно холодного, но так любимого ею Ленинграда. Софочка не любила Киева. Когда мы подросли, она даже поделилась со мною своей мыслью о том, что есть города, интересные во всех отношениях, такие, как Ленинград и Одесса, и она их любила. А есть и другие города, такие, как Киев и Москва, - скучные, мещанские, буржуазные (по ее мнению). Их она не любила. Тогда нам было соответственно 13 и 12 лет и, хотя мне было обидно, что она не любила "мой" Киев, в котором родилась и она, но слушала я ее с раскрытым ртом.

Родителями Софочки были моя тетька Матильда (тетя Матя) и дядя Боря - Борис Самойлович Лившиц. Дядя Боря и тетя Матя встретились в послевоенном Киеве. У каждого за спиной к этому времени остались жестокие потери военной поры. Моя тетя потеряла мужа, у нее на руках был 9-летний сын. Дядя Боря потерял в Мариуполе всю семью--- стариков родителей и вместе с ними приехавших к ним на лето (в теплый Мариуполь из вечно холодного Ленинграда) жену и двух сыновей. Я никогда не знала имен его погибших сыновей. Родившуюся же в 1947 году дочку тетя и дядя назвали именем матери дяди Бори. Дядя Боря был на фронте, по окончании войны был послан в Киев восстанавливать телефонную связь, моя тетя работала в радиокомитете. Война забрала у дяди Бори всю его семью, так что, когда и он встретил мою красавицу-тетю, ее семья стала и его семьей.

Как человек очень ответственный и принципиальный, Дядя Боря считал, что он должен помогать моей бабушке, и неукоснительно, месяц за месяцем, он посылал ей деньги. Надо сказать, что внутри своей ближайшей семьи (жены и

дочки) он был достаточно строг в денежном вопросе. По его мнению, "тряпки" и платья - вещи не необходимые, а вот старикам помогать необходимо. Он был ответственным, принципиальным, во многом рациональным человеком.

Моя детская память сохранила только отдельные моменты, связанные с приездами "ленинградских родственников". Конечно же, всегда привозились подарки-туфельки фабрики "Скороход", конфеты "Руслан и Людмила", книжки. Семья Лившица была очень "книжной". Все читали запоем и классику, и периодику. Помню, как мне и Софочке подарили одинаковые книжки, - "Рассказы о русских художниках", видно считали, что это то, о чем важно знать. Помню также такой случай - все читают книгу Сименона, в ней несколько детективов, несколько романов. Дядя увидел меня с этой книгой и поинтересовался, что мне, двенадцатилетней, понравилось, и очень удивился, что нам понравилось одно и то же, психологической роман "Президент".

Дядя Боря всегда был очень занят, но на отдыхе постоянно читал художественную и техническую литературу. Вообще отдыхал дядя Боря своеобразно. Каждое утро, как и всегда, начиналось с зарядки и обливания холодной водой, затем он пару часов работал, и все кругом ходили на цыпочках и говорили шепотом (семейная "кликуха" дяди Бори была "Важнецкий"). А затем наступало время, тоже 2-3 часа ежедневно, когда дядя занимался с Софой математикой, физикой, английским..... Он не переносил праздности и, тяжело работая всю жизнь сам, требовал, или скорее попросту ожидал этого же от своей дочери. Сам он знал математику превосходно. Также неплохо знал немецкий и читал техническую литературу по-немецки. В повседневной жизни Борис Самойлович был очень неприхотлив, помню его с аппетитом поглощавшим грибной суп моей мамы. Сардельки, продававшиеся в буфете ЛОНИИСа, он называл "великолепными". Дома к чаю полагались самые простые печенья - "полоски".

Несмотря на то, что я по профессии тоже связист, у меня не было профессиональных контактов с Борисом Самойловичем. Однако однажды, будучи в командировке в Ленинграде, я попросила его объяснить мне что-то из теории телекоммуникаций. Его объяснение было необыкновенно исчерпывающим и необыкновенно простым, т. е. он сумел представить это сложное таким. Теперь я понимаю, что это и

есть одно из качеств, определяющих действительно выдающийся ум и большие педагогические способности. Помню, что я была свидетелем того, как Борис Самойлович был руководителем ГЭК при защите дипломных проектов в Одесском институте связи, где я тогда училась. Он был очень внимателен, очень дружелюбен и даже слегка снисходителен к дипломникам, понимая, что если они в таком трудном вузе дошли до диплома, то и придирааться к ним незачем.

Помню, что у Бориса Самойловича было много друзей, в том числе и в Одессе: Марк Филиппович Копп, Олег Семенович Шилов, Пышкин(?). Из ленинградских друзей (коллег) помню его (по-моему, еще институтского) друга Рабкина Льва Израилевича, помню Михаила Марковича Подвидза (он с семьей и дочкой Ирой однажды отдыхал в Киеве), Ольгу Петровну Фомину и её мужа Бориса Ивановича. (Прошу прощения, если я перепутала некоторые имена...).

Считаю своим долгом отдельно сказать о жене Бориса Самойловича, моей любимой тете, Матильде Самойловне. После переезда из Киева в Ленинград, тетя бросила работу и целиком посвятила себя семье. Она взяла на себя все бытовые тяготы, позволяя тем самым Борису Самойловичу целиком отдаться науке, особенно, когда он писал свою докторскую диссертацию. Красивая, умная, остроумная, с тонким вкусом, - такой я помню ее. Как тяжело, что ей и Борису Самойловичу выпало на долю пережить трагедию потери свой дочери, моей сестрички Софочки.

Приведу несколько фотографий из моего семейного архива.



1951 г. Борис Самойлович с женой Матильдой Самойловной, сыном Сеней и дочерью Софой



1951 г. Матильда Самойловна, её мама Бася Марковна Сандлер и дочь Софа



Май 1965 г.



Софочка. 1965 г.



1969г. Свадебная фотография. На переднем плане - Софа и ее муж – Михаил Яковлевич Лесман. В центре заднего плана – Борис Самойлович с женой.

Уже много лет нет с нами Бориса Самойловича, Матильды Самойловны и Софочки. Но, если мы помним и говорим о них, значит, они не ушли навсегда.

Февраль 2012 года.